

Мелодия

И.А.Д.Е.И.С.А

Смеклоф Надежда

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70080802

SelfPub; 2024

Аннотация

Этот рассказ был напечатан в сборнике «Любовь и магия-2» Эксмо. Сроки договора прошли, и я могу свободно им делиться. Это история о любви и зле. А ещё об ангелах и надежде, что, несмотря ни на что – всё можно изменить в лучшую сторону.

Смеклоф

Надежда

Интуиция настойчиво шептала, что сегодня смерть получит подношение.

Край отвесной скалы порос ромашками. Они дрожали от холода на промозглом ветру. Тряслись, склонив увенчанные белыми коронами соцветия. Прижимали к стеблям покрытые инеем игольчатые листья.

Я сел на рюкзак. Тёплая куртка с подстёжкой и не продуваемые штаны с толикой магии. Скорее для защиты от непредвиденных обстоятельств, чем от погоды. Иначе здесь не выжить!

Скала обрывалась над замёрзшим устьем реки в оправе ледяных скал. Покрытое снегом поле, прореженное островками тёмных камней, сливалось со свинцовым небом с проседью редких облаков. Из низины, похожий на перевернутую сосульку, торчал переливающийся кристалл. Он разделял окованную землю пограничным столбом. В его недрах, синих снизу и почти прозрачных сверху, рыскали яркие вспышки.

В морозном воздухе с тихой трелью кружились крылатые красавицы. Точёные фигурки изящными белыми всполохами проносились над пропастью, взметая снежные вихри и разбивая тишину искристым смехом. Ромашки взволнован-

но поднимали головы им вслед. Под ногами ангелов всегда растут цветы.

Я проследил траекторию полета, безошибочно определив свою ненаглядную. Заметив меня, она игриво пропорхнула мимо и умчалась к своим подругам.

Я грустно улыбнулся. Правила игры я знал. Нужно ждать. Намотав на ладонь чётки, я недоверчиво посмотрел на символ, круг разделенный пополам и, скривившись, вынул из кармана маленькую флягу. Отпил терпкую, дурно пахнущую жидкость. Грудь ещё болела, и приходилось останавливать спазмы зельем.

– Рана не гори, отпусти меня немного, больше не боли! – прошептал я всем известный с детства заговор. – Уходи, зараза злая, уж терпеть невмочь. Поскорее заживая, сгинь из тела прочь.

Полегчало почти мгновенно. Я посмотрел в ледяную высь. Крылатые создания носились через мёрзлую долину, оставляя за собой искрящиеся дорожки блестящих следов. То сходились, почти касаясь друг друга крыльями, то разлетались, скрываясь в жидких облаках.

Я сидел неподвижно, склонив голову к коленям. Даже показалось, что начинаю понимать их непостижимый танец. Замысловатые воздушные па и волшебные пируэты. Почти познал смысл и разгадал значение чарующего хоровода. Ещё чуть-чуть и догадался бы зачем они кружатся. Ведь тайна всегда на виду, просто её никто не понимает.

Она спустилась, едва двигая бархатными крыльями, но все равно заставляя волноваться тяжелые головы окоченевших ромашек.

– Здравствуй! – пропела она.

– Рад, что могу увидеть тебя опять.

– На что ты надеешься? – спросила она, распахнув огромные глаза.

В её зрачках играли самоцветы. Искрились и обжигали холодом.

– Хочу получить твоё сердце, – нежно проговорил я.

Любимая засмеялась перезвоном крошечных колокольчиков.

– У меня нет сердца, – мотая головой, сообщила она.

– Обязательно появится и станет полностью, безраздельно моим.

Крылатое создание опять залилось мелодичным смехом, а я с трудом сглотнул. Во всём, что она делала, в каждом случайном жесте, сквозила притягательная, желанная и все ещё недоступная загадка.

– Ты из тех, кто успешно врёт даже самому себе.

– Почему это? – обиделся я.

Моя ненаглядная спустилась ниже, и я задрожал от взмахов пушистых крыльев. Мороз прорвался под куртку, вцепился коготками в тёплую кожу и обжигал холодным дыханием.

– Потому что, ты не искренен. Ты такой же алчный лгун,

как твой отец, – губы почти коснулись моего уха.

От её дыхания в голове помутилось, а волосы покрылись инеем. Слишком много кислорода и стужи. Человеку с таким не справиться.

Она коснулась цветов, и ромашки превратились в лёд. Столкнулись под напором злого ветра и разлетелись на хрустальные осколки.

– О чём ты? – вникнув в слова, удивился я.

– Твоё упорство и лицемерие только раздражают, – бросила любимая и взмыла в застывшие небеса.

От неё остался вихрь холодных снежинок, парящих над обломками цветов.

– Я не могу без тебя! – вскочив, в отчаянии закричал я.

Безнадежный призыв разнёсся по долине, эхом отразился от каменных склонов и вернулся обратно.

Она закрутила петлю и, сложив крылья, упала. Было видно, как трепещут белоснежные перья. Играют переливы на алебастровой коже. Сверкают полные тоски глаза с застывшей в них решимостью. Поняв, что она собирается делать, я еле успел схватить рюкзак.

Тонкие пальцы распоролы куртку, пронзив кожу морозными иглами. Меня оторвало от земли. Крылья забились, отталкиваясь от прозрачных ветряных струй, и мы полетели.

Склон уменьшался.

– Заставлю тебя сознаться! – яростно выдохнула она.

– Мне нечего скрывать, я люблю тебя!

Её передернуло, и я испугался, что она бросит меня, не набрав высоты, но мы поднимались.

– Твой отец тоже приходил на утёс. Сидел, как ты. Грустно смотрел в небеса. Провожал нас влюбленными глазами.

– Значит, я весь в отца, – неловко пошутил я.

– Не пытайся юлить! – закричала она.

Я оглянулся на далёкую землю. Долина превратилась в белоснежное блюдо на фоне тёмных скал, значит пора.

– Моя милая сегодня не в духе? Чем я провинился?

Она ослабила хватку.

Я выскользнул из её объятий и, размахивая руками, полетел вниз. Высота огромная, но в рюкзаке зачарованный пузырь, даже если упаду на скалы, он не даст погибнуть. Лопнет и все в радиусе десяти метров застынет, превратившись в холодное желе.

Собравшись, втянув побольше воздуха, я безнадёжно заорал:

– Буду помнить тебя вечно, любимая!

Её трепещущие крылья дёрнулись, и она понеслась следом за мной.

Она стремительно приближалась, но я падал быстрее, и уже чувствовал, что она не успеет. Ей не хватит буквально секунды. Не догонит, не сможет.

Меня захлестнуло отчаяние. Это не справедливо. Я почти добился её расположения. Уверен, ещё немного, и её сердце стало бы моим. А теперь, меня победят законы мироздания.

Если бы только замедлить падение, хотя бы чуть-чуть.

Я скрестил пальцы на левой руке. Острые скалы неслись мне навстречу, быстрее, чем бились её крылья. Оставалось только смириться, и обо всём забыть. Второй попытки не будет. Она не успеет!

Но любимая сделала отчаянный рывок, сам суровый северный ветер подтолкнул её ко мне. Обернув крыльями, она заключила меня в объятия, прижавшись губами к моей щеке. По моей обветренной коже потекли её растаявшие слезы.

Мы рухнули в снег. Я сдавил клапан, с ужасом ожидая разрыва пузыря, но запасной спасательный вариант не сработал.

Она плакала, продолжая целовать моё побелевшее лицо, а я думал, что если бы не её самозабвенность, я бы разбился. Совсем, навсегда, окончательно и бесповоротно остался бы в этой замёрзшей негостеприимной земле. Лежал бы грудой обледеневшего мяса и уже никогда бы не смог воплотить задуманное. Радость победы была безнадёжно испорчена. Магия не сработала, и причина могла быть лишь одна.

– Извини, я ошибалась, – шептала она, а я не мог собраться.

Всё пошло не так и, разумеется, не вовремя.

– Прости, мне холодно.

Снег действительно завалился за шиворот. Попал под кофту и скрёб холодными комками по спине.

Она выпустила меня и поднялась. Огромные глаза блестели сильнее обычного. В расширившихся зрачках стоял

немой вопрос.

– Ты не оставила мне выбора, – проговорил я, стараясь подобрать нужные слова и не испортить нашу зарождающуюся связь. – Хотя он и не нужен. Без тебя я не смогу жить. Ты права, я как отец. Люблю ангела и не могу с этим бороться.

– И ты бы отдал жизнь? – испуганно спросила она.

Сейчас, она впервые походила на человека, а не на идеальную ледяную статую. Я даже не смог выговорить заготовленные слова. Настолько неуместно они звучали. Мне стало стыдно. Начали краснеть щеки, поэтому я спрятал лицо в руках и зажмурился.

– Любовь слепа и зла.

Она молчала, а я боялся, что моя ненаглядная расправит крылья и унесётся прочь, но она не двигалась.

– Мой, никогда не отдал бы за меня жизнь.

Я облегчённо вдохнул.

– Не знаю кто он, – заметил я, убирая руки от лица. – Но, как и многие не ценит то, чем обладает.

Стальное небо на мгновение осветилось солнечным багрянцем, став золотым. Белые крылья пожелтели, а над головой ангела зажглось сияние.

Я сощурился, но всё равно сделал шаг.

Она протянула ко мне руки, оставалось их только сжать.

– Клянись!

– Подожди, – попросил я и кинулся к рюкзаку.

У меня был припрятан подарок. Шустро расшнуровав од-

но из отделений, я аккуратно достал тщательно упакованный свёрток. Разорвал толстую ткань и вынул маленькую коробочку.

– Что это? – заинтересовалась она, вытянув шею, и подавшись вперёд.

Пряча улыбку, я встал на колени, протягивая свой дар на ладони. Искристый рубин с неровными боками походил на бьющееся сердце. Он пульсировал сочным гранатовым сиянием и, казалось дышит, то увеличиваясь в размерах, то опадая.

– Если у тебя никогда не будет сердца, моё заменит его навсегда, ведь оно переполнено любовью. Видишь, как оно колотится внутри, желая скорее прильнуть к тебе.

Моя ненаглядная провела пальцем по камню и, тоненько взвизгнув от неожиданности, отёрнула руку.

– Горячее, – пожаловалась она.

– Конечно, – согласился я. – Ведь оно живое, и теперь твоё.

В её глазах появилась смесь из недоверия и желания.

– Магия, – протянула она. – Только страшное чародейство могло заключить сердце в камне.

Я замотал головой.

– Не всё, только часть.

Она склонила голову на бок, а я печально улыбнулся в ответ.

– Не веришь.

Любимая поджала пухлые губы.

– Понимаю, тебя обманывали, – я встал, торопливо растёгивая куртку. – Смотри!

Грудь от левой ключицы до рёбер разделяла бугристая тёмная полоса. Рана ещё не успела зажить окончательно, и шрам выглядел неровным.

Ненаглядная распахнула рот, а в уголках её прекрасных глаз снова появились ледяные кристаллы.

– Что ты отдал колдунам? – печально спросила она.

– Всё, – глядя на сердце, тихо ответил я и, опустив голову, терпеливо ждал.

Не стоит больше говорить. Можно испортить тягучий и сладостный момент, когда любовь перемешивается с жалостью. Этот коктейль пьянит навечно. Ты уже не протрезвешь и никогда не станешь прежней, моя единственная.

– Помоги мне, – попросила она.

Я приблизился, снова протянув сверкающий камень.

Моя наречённая, скривившись, накрыла мою ладонь своей.

Солнечный свет померк. Небосклон расплавился, вспенился чёрными пузырями, поплыл и потемнел.

Рубин засиял, просвечивая через руки. От него расходилась мощная волна энергии. Любимая глубоко вдохнула, поглощая карминный блеск, и болезненно закашлялась. Её морозное дыхание разлетелось облачками пара. Спина выгнулась. Распушились бархатистые перья.

– Теперь у нас одно сердце на двоих, – прошептал я, сдавливая её руку.

Красный камень замер на ладони и начал сжиматься, вытягивая энергию из ангела. Крылья растаяли, растворяясь в чернеющем небе. За ними исчезли ноги. Она пыталась кричать, но из открытого рта, не вырвалось ни звука. Открыв свою сущность злобной магии, закрыться уже невозможно. Обратной дороги нет. Зло не остановится, оно никогда не останавливается. Сожрёт, не оставив и следа. Вслед за ногами, померкло и разлетелось по ветру истонченное мраморное одеяние. Идеальное тело дрожало. Вздыхалась и падала грудь, так дёргано нервно и болезненно, словно ангел задыхался. Из лёгких, едва слышные, прорывались жалостные стоны, но скоро стихли и они.

Разделяющий заснеженную долину кристалл засиял. Мечущиеся внутри вспышки соединились в одну ослепляющую зарницу.

В горле встал ком. Я снова сделал это. Уничтожил свою любовь.

Я разжал пальцы. Рубин посинел и разламывался от прикосновений, пока не превратился в ледяную крошку.

В сумерках над головой раздались гневные крики. Остальные крылатые создания почувствовали неладное и скоро бросятся вниз. На сантименты нет времени, пора убираться.

Я вынул из кармана прибор похожий на солнечные часы. Вокруг указателя завивалась медная лента с кольцом на кон-

це. Стоило потянуть, и спираль начала раскручиваться. Это всегда происходило долго. Само мироздание препятствует вмешательству в привычный ход энергий. Я тянул изо всех сил, но всё равно получалось слишком медленно, а яростные вопли приближались. Ещё немного, и всё-таки придётся остаться здесь навсегда. В них нет жалости, только любовь к своему избраннику. Когда первая ангел-хранительница поняла глубину моей подлости, то оставила мне на память жуткую рану, которая не желает зарастать уже двадцать лет.

Продолжая вращать неподатливую спираль, я подцепил ногой ненужный больше рюкзак и подтянул поближе. Наступил на клапан и ловко подбросил, ударив по нему, как по мячу. Но пузырь снова не сработал, второй раз заклятье отказывалось обращать окружающее пространство в вязкий кисель.

Теперь стало не по себе. Я влип по-настоящему!

Озлобленные крылатые создания неслись со всех сторон. Небо ещё больше потемнело, став стальным. Не имеющие ничего общего с человеческими крики отдавались болью в груди. Проклятый холод медленно раздвигал шрам, чтобы пробраться внутрь. Вцепиться посильнее, чтобы доделать то, что не успел в прошлый раз. Чтобы вырвать моё лживое сердце и скормить тем, кто спешил отомстить за подругу. Времени почти не осталось. Уже чувствовались буйные взмахи крыльев. Обжигающий холод пронизывающего ветра. Их безумная ярость. Я снова дёрнул со всех сил. Зажму-

рился и дёрнул снова. Ещё раз. Ещё. От звона глаза открылись сами собой. До проклятых летающих бестий оставалось всего несколько метров, но спираль всё-таки распрямилась. На миг обратилась в сверкающую белую ленту, и моментально сжалась, затянув меня и колючие снежинки в огненный провал. В котором эхом ещё долго отдавался разъярённый клёкот.

Меня, как всегда, выбросило на фамильное кладбище рядом с замком. По замшелым надгробиям, частично скрытые мхом и серыми выюнами, змеились имена. Сотни моих предков, таких же проклятых богами предателей, мерзавцев и отступников.

Обойдя могильник, я протиснулся через ржавую калитку и поднялся по лестнице к парадному входу. В вечных сумерках с обвитых засохшим плющом стен на меня белёсыми глазами смотрели каменные горгульи. Заброшенный парк, тусклый и серый, тянулся прочь от города. А кривые чёрные дома вплотную подобрались с противоположной стороны и потихоньку обступали замок, множа уродливые каменные коробки. Они расползались насколько хватало глаз, красными огнями тусклых окон мерцая в ночи. Город не спал, плодил во тьме новые ужасы. Под скрытой седыми облаками кровавой луной, улицы наполнялись криками, стонами и воем.

Стряхнув изморозь с разодранной куртки, я вошёл в замок. Во мраке коридора сбросил ботинки и прошёл в слабо освещённый зал. Помощник уже ждал меня, развалившись

в мягком кресле. Он напоминал кота. Такой же дерзкий и быстрый, но при этом располагающий и обаятельный. Артур умел договариваться и находить самые выгодные контракты. А его живой ум, спаянный с мощным чародейским талантом, вызывал лютую зависть в высшем обществе. Он уже двадцать лет выступал посредником между мною и заказчиками и был единственным на всей тёмной стороне колдуном, которому я хоть немного доверял.

– Что-то ты помятый? Птичка оказалась совсем фригидной?

Я не ответил, пытаюсь рассмотреть его хитрые глаза, а заодно отдышаться. Шрам на груди ещё болел, поэтому рука невольно тянулась к карману. Фляга осталась в куртке. Ну и дьявол с ней, есть другие способы. Я пересёк зал. Мокрые босые ноги оставляли следы на мраморном полу. Подошёл к резному шкафу. Истрескавшиеся, покрытые царапинами и толстым слоем пыли полки загромождали древние бутылки. Потемневшее стекло из зелёного давно стало малахитовым. Горлышки и пробки покрывала мохнатая паутина. Выбрав «Адское жерло», я откупорил высокий сосуд и налил в бокал.

– Что-случилось-то? – проворчал Артур, приподнявшись из кресла.

Приятно было хоть немного его расшевелить, поэтому я отпил несколько глотков и сел на диван. Кристалл полон, а значит пришло время действовать. Как ему сказать? Можно

ли на него положиться? А если, узнав про пузырь, он побегит к Святейшеству? Дружба эфемерна, а золото реально. Я разглядывал его жесты и мимику, пытаюсь найти ответ, но не увидел ничего кроме удивления.

Только посчитав пылающие поленья в старом, обложенном булыжниками камине, получилось наконец решиться. Нельзя предусмотреть всего и повлиять на сложившиеся обстоятельства, но можно их использовать:

– Чары рюкзака два раза дали сбой.

– Где он? – нетерпеливо уточнил Артур, подпрыгивая, как угли в огне.

– Остался там. Не было времени. Меня чуть не порвали на части.

– А хранительница?

– Её больше нет.

Было противно. Любимая оказалась совершенно права, я вру даже себе и очень успешно. Настолько хорошо, что верю. Как же тяжело смириться с тем, что натворил. Уничтожил свою единственную, стёр в порошок и развеял по ветру. Я на самом деле любил. Так страстно и безответно, как это только возможно. Поэтому она поддалась и попала в тщательно расставленную ловушку. Ангел-хранительница неуязвима, пока любит человека, которого получает при рождении. За кем наблюдает всю жизнь, кого оберегает. Таких немного, но они есть. Счастливчики защищённые от магии до тех пор, пока ангел-хранительница любит их. Но стоит ответить взаимно-

стью другому...

– Мне придётся сообщить об этом...

– Не стоит! – оборвал я. – Организуй поиски, разберись во всём, оплата за мной, и за твоё беспокойство тоже.

Артур улыбнулся, медленно склонив голову:

– Всё устрою позже, а пока, не хочешь вознести молитву и покаяться?

Пришлось оглянуться на вырезанную из камня карту мира, занимающую одну из стен зала. В круге, разделённом пополам линией, расположились континенты. Слева, покрытая незыблемым мраком тёмная сторона. Справа, мирная светлая. На полюсе вели нескончаемый хоровод белоснежные фигурки ангелов. У карты, на постаменте стоял тёмный идол в плаще с капюшоном, скрестив руки на груди. У него не было имени, кроме прозвища – покровитель убийц и проклятых.

Я с отвращением отвернулся от чёрного истукана, но заставил себя подняться. Правила надо соблюдать, из них состоит жизнь. Тем более кара заслушивание страшна. Поэтому оставалось только безропотно опуститься на колени перед идолом и склонить голову.

– Прости мои прегрешения. Моя жизнь черна, как твоя тень. Нечиста, будто грязь под твоими ногами. Отвратительна, словно отражения твоих деяний. Прими мою благодарность, ибо я не могу жить по-другому. Моё сердце камень, а душа смердит, точно яма с отбросами. Я таков, каков есть,

ибо ты создал меня таким.

Покровитель убийц и проклятых поднял руки и, взмахнув, опустил к ногам.

Я вздохнул. Каждая церемония отнимала силы, но даже если пропущу одну, Святейшество немедленно узнает и вывернет мои кости наружу. Страх и покорность его вассалы, а мы лишь служим им.

Я поднялся с колен и вернулся к дивану. Сел, взявшись за бокал.

– Ты лучше всех, – улыбаясь, протянул Артур. – Давай закончим с нашим делом.

Тому, чьим ангелом-хранителем была моя любимая не повезло, теперь его заморят жалким проклятьем, самым слабеньким колдовством, он беззащитен.

Я допил адское варево и налил ещё. Несмотря на рычащий камин в зале было холодно. Будто проклятая северная стужа окончательно отравила мои внутренности и теперь их обволакивает льдом.

Ненавижу свою работу. Нет ничего отвратительнее убийства ангела, но таких, как я, способных найти чужого хранителя и развоплотить, ещё меньше, чем защищённых счастливыхчиков. Поэтому нам готовы платить тонны золота. Мы уникальны. Бессердечны. Бесчувственны и жестоки.

Артур вынул куклу и помахал ею перед моим лицом.

– Хочешь сам?

Я, скривившись, отвернулся. Зачем он издевается, ведь

прекрасно знает насколько мне сейчас плохо. Как меня корчит от тоски по потерянной любви. От одиночества. От того, что будущая жизнь – пытка, а не награда.

– Нет? Вот вечно за тобой подбирать приходится, – с усмешкой сказал он и оторвал кукле голову.

подавив желание сглотнуть, я смотрел, как торчащая из мешковины солома разбухает от появляющейся из неоткуда крови. Интуиция не подвела, смерть получила своё. Где-то далеко, в своих покоях умер человек. Тот, кого моя единственная получила при рождении, тот, кого оберегала, но так и не смогла спасти.

Помощник выбросил выпотрошенную куклу в камин и проворчал:

– Хорошо быть знатным, всё за тебя делают...

– Перестань, – отмахнулся я. – Ты в десятки раз умнее и талантливее любого аристократа.

– Но они всё равно смотрят на меня сверху вниз.

– Кроме меня.

Он вздохнул:

– В нашем мире всё решает наследственность, – и безмятежно добавил. – Твоя доля в хранилище.

Я кивнул, представляя золотые слитки сложенные аккуратными пирамидами. Иногда они отвлекали меня от тоски, сверкая жёлтыми переливами, как волосы на голове моей любимой. Теперь подавить желание и не сглотнуть, не получилось. На глаза навернулись слёзы.

– Немедленно решу неприятность с твоим рюкзаком, – пообещал Артур, поднимаясь.

– А внешность? – встрепенулся я, чуть не пролив адскую жижу.

– Оставим на завтра, ты устал... – заботливо предложил колдун.

– Нет – она меня узнала. Подумала, что это мой отец, но неважно. Нельзя рисковать!

– Ты что думаешь, к тебе заявятся пернатые? Это паранойя!

Я прижал свободную руку к груди.

– Болит? – сочувственно поинтересовался Артур.

Осушив бокал, я кивнул.

– Тем более, – серьёзно сказал помощник. – Изменение внешности длительные и болезненные чары, ещё шов разойдётся. Давай не будем сходить с ума.

– Хорошо, – я махнул рукой, – но чтобы завтра утром был здесь.

– Как скажешь, – ощерился Артур. – Ты справишься с ритуалом? – и посерьёзнев, добавил. – Надо избавляться от тоски.

Я кивнул, но он покачал головой:

– Помнишь наш последний разговор. Ты слишком успешен. Там, – он махнул рукой в сторону невидимой ратуши, – этого не любят. Они уже роют под тебя. Девчонка вовсе не со светлой стороны, она работает, сам знаешь на кого.

В этот раз отвечать не было смысла.

Примириительно похлопав меня по плечу, он прошёл в коридор и исчез в белой вспышке. Ему не нужно крутить спирали, он колдун.

Я, скривившись, потянулся. Размял налитые тяжестью руки и развалился в кресле. То ли от спиртного, то ли из-за прошедшего времени, но боль в груди поутихла.

С Артуром проблем быть не должно за титул он готов на всё. А вот от шпионки надо избавляться, она может всё испортить. На тёмной стороне все следят за всеми. Каждый готов на предательство, ложь и убийство – ради денег, власти и почестей. Говорят это влияние вечной тьмы висящей над нашей частью мира, люди-то везде одинаковые. Только под ласковым солнцем всё кажется лучше, не то что в бесконечной ночи.

Я прикрыл глаза. Под веками на меня осуждающе смотрел ангел. Крылья висели, облепив тонкие ноги. Мокрые грязные волосы разметались по плечам. Она уже не сияла, алебастровый блеск исчез, осталась только тусклая желтизна. Это был труп. Холодный и безразличный. Страшный тем, что переступил черту. Что ушёл туда, откуда не возвращаются. Лёд сковал её изнутри. А за тепло мертвец готов на всё.

– За что, любимый?

Я резко распахнул глаза. Всегда одно и то же. Пока не рассеются мнимые чувства, она будет третировать меня. Приходить во сне. Появляться среди толпы на площади. Проплы-

вать в зеркале на грани видимости.

Нельзя выносить это слишком долго, сойдёшь с ума.

Поэтому пришлось встать, снова пересечь зал и остановиться у карты, стараясь не смотреть на чёрного идола. Жирная линия, разделяющая мир пополам, как шрам на моей груди, много лет мучает и не даёт забыть о своём существовании. Легенда гласит, что давным-давно, ангелы любили всех людей, раскручивали землю и день чередовался с ночью, а тьма со светом. Сейчас, хранительница полюбила меня одного, а я её предал.

Вздых вырвался сам собой. Пришлось прогуляться от угла до угла, от шкафа до камина. Это невыносимо, но выбора нет. В замке постоянно полно прислуги. Иногда, даже кажется, что все они против меня, но насчёт одной сомнений больше нет. Артур слишком ценит наше сотрудничество, чтобы лгать мне понапрасну. Она шпион Святейшества.

Жаль её, конечно, но слишком удачно складываются обстоятельства. Одновременно избавлюсь от соглядатая и сжигающей тоски. Любовь моя магия, но она не отпускает меня просто так. Изматывает, вынимает все без исключения силы. Лишает сна и покоя. Мои эмоции настоящие и искренние. Влюбиться легко! Избавиться от пагубного чувства очень-очень сложно. Если бы выпитое зелье или произнесённое заклятье освободили бы от тягостной зависимости, но нет. Ни одному колдуну с самого сотворения мира не удалось создать ничего подобного. Любовью можно только поделиться,

отдать, выскрести из себя и никак по-другому.

Сделав решающий шаг, я погладил когтистую лапу, выпирающую из стены у камина, и почувствовал ответную железную хватку. Кривые пальцы обхватили ладонь, начав затягивать руку в каменную кладку.

– Отворись! – крикнул я и кисть освободилась.

В шкафу с бутылками, под резными деревянными ангелами, выдвинулся вместительный ящик. В нём хранилось всё необходимое для ритуала. Я медленно подошёл, стараясь сдерживать нетерпение. Всегда хочется скорее избавиться от глупых чувств, но спешить не стоит. Любой колдовской обряд должен проводиться в строгом соответствии с предписаниями, в особенности приворотный. Чётко, без малейших ошибок, иначе всё может закончиться большой бедой.

Я поднял красные свечи, перевитые в одну. Взял спички из дерева Аихризон, любовные капли, два крошечных зеркала в витых серебряных оправках. А ещё потёртый фолиант, хотя и знал необходимые слова наизусть.

Сел на диван и придвинул низкий стол. Сбросил всё лишнее на пол, не заботясь о разлетевшихся вдребезги бокалах и вставил свечу в углубление по центру столешницы. Рядом положил старинную книгу.

Что же, пора звать шпионку.

От моего свиста пробудилась одна из слепых горгулий, распахнула каменную пасть и завывала, призывая слуг.

Главное не отвлекаться, чтобы из памяти не всплыл люби-

мый образ с бархатными крыльями. Поэтому пришлось крутить в пальцах спички, поглядывая на свечу. Уже хотелось зажечь огонь. Настоящее жаркое пламя из крошечных глубин преисподней. Оно противоположно холодному небесному свету и отгонит летающий между ресницами алебастровый силуэт.

Дверь скрипнула. По полу прошлёпали босые ноги.

– Вы звали меня, хозяин?

Я обернулся. Служанка согнулась в поклоне, разметав длинные чёрные волосы по полу.

– Сядь!

Она бросила на меня удивлённый взгляд, но безропотно опустилась рядом с креслом на холодный пол.

– Откуда ты родом?

– Со светлой стороны, хозяин, – тихо ответила она.

– А я с тёмной. Родился в этом жутком городе в грязной подворотне в двух кварталах от этого замка. Ещё один бастард древнего княжеского рода.

Служанка напряжённо молчала, глядя в пол.

– В рабочем доме, куда я попал вместе с матерью, во время обряда проявились мои особенности. Редкий дар или страшное проклятье, только он объединял стороны в одно целое. Нельзя отнять ангела-хранителя, не зная любви, и сразить её, не ощутив ненависти.

Я протянул руку и начал гладить её по волосам. Шпионка вздрогнула, но отодвинуться не посмела.

– Обучение началось на светлой стороне. Только там меня могли научить любить. Там я впервые увидел солнце, – голос задрожал. – Рождённый во мраке, я и представить не мог, как оно прекрасно. В закрытой школе, где я жил, мне прививали любовь и воспитывали стремление к высшей благодати. Меня окружало добро, сочувствие и нежность о которых нельзя и мечтать. Я получил столько теплоты, что смог согреться. Поверил и растаял в лучах ласкового света. Я полюбил... – горькие слова не хотели выговариваться. – Страстно, беззаветно, по-настоящему, и меня тот час вернули обратно, чтобы научить ненавидеть. Это оказалось несложно. Тёмная сторона встретила жестоким уроком, – голос сорвался на злобный шёпот. – Меня били палками, ведя через город до подворотни, в которой я родился. Вышибали из моего изнеженного светом тела всё тепло, добро и сочувствие, а потом отобрав его, почти выбив жизнь, бросили умирать.

Механически сжав пальцы, я потянул её волосы, и служанка сдавленно пискнула.

– На третий день, когда я уже попросился с жестоким миром, пришёл Святейшество. Он сказал, что если доползу до храма, буду спасён. Но храм был очень далёко, а сил очень-очень мало. Руки и ноги не хотели двигаться. Смерть уже подкралась поближе. Она ощупывала меня, будто свою собственность, беззастенчиво шарила по карманам в поисках законной добычи.

Чиркнув об стол, я зажёл спичку и поднёс к свече. От

разгоревшегося пламени расходился удушливый колдовской жар.

Служанка забормотала молитву, со страхом оглядываясь. Я резким движением сунул ей зеркало и продолжил:

– Старуха тащила меня в преисподнюю, но я сопротивлялся. Раздирал свою занемевшую плоть об острую брусчатку, но полз. Когда разглядел храм, даже почувствовал, что смогу. Ненависть придавала сил. Я сгрёб их все в кучу. Напоил ими, разгоняющее кровь сердце и заставил руки цепляться за уличные камни и жизнь. Дополз... и обучение продолжилось в храме тёмной стороны. Я познал всю пропасть ненависти. Постиг боль, ужас и страх. Если бы старый князь не сдох без наследников, я бы так и остался одарённым прислужником, рабом всю оставшуюся жизнь отработывающим обучение.

Откупорив любовные капли, я схватил её за шею, задрал голову вверх. Она изо всех сил зажмурилась и, сквозь дрожащие губы, до меня донеслось еле слышное «Не надо».

– Не упрямясь, – мягко проговорил я. – Будет только хуже.

Она попыталась отрицательно мотнуть головой, но не получилось.

– Не заставляй тебя истязать, не люблю приносить в мир лишнее зло. Он и так слишком несовершенен.

Служанка сильнее сжала веки.

Нельзя сдать и отпустить её. Она убежит из замка, и за мной тут же придут вассалы Святейшества. А он слишком

проницателен и может всё понять.

– Ты не оставляешь мне выбора, милая.

Я стиснул пальцы в кулак и поднял руку. Шпионка сжалась.

– Ты ответишь за это! – неожиданно прошипела она, наконец сбросив маску.

Вот всё и становится на свои места, а я уже начал сомневаться.

– Что ты успела разузнать?

– Ничего, – вскрикнула она. – Отпусти, мы обо всём договоримся.

Я бы так и сделал, попытался извлечь выгоду, заставил работать на себя, приносить новости из стана врага, но кристалл полон и мне больше не нужны сведения.

– Ответишь демону, – жутко прошептал я. – Он уже пробуждается в золе, в красных отсветах углей.

Жар от свечи усилился, и моя жертва задрожала.

– Он поднимается и тянет к тебе кривые пальцы...

Служанка взвизгнула и испуганно уставилась в камин. Я ловко брызнул ей в глаза любовные капли. Зрачки моментально расширились, почти скрыв белки. Отпустив её шею, я дотянулся до свечи.

– Сердце каменное повернётся, душа чёрная отречётся. Оторопь дрожь возьмёт. Раскалится, развернёт. Сердце резово ворохнётся, а любовь на мне сойдётся. Сила слов отопрёт замок, чтобы никто закрыть не мог.

Свеча потухла. Жар спал, растворившись в холодных каменных стенах.

Я повернулся к служанке. Она прижала руки к груди, потупив взгляд. Скованность пропала, вместо неё появилось что-то другое, пока ещё не любовь, но уже её росток. Только мне не нужно новых чувств, совсем наоборот, пора избавиться от старых.

– Дыхни на зеркало.

Она смиренно подняла к лицу тонкое стекло в оправе и прижала к губам.

Я погладил её по плечу.

– Умница.

Провёл пальцем по запотевшему зеркалу, наклонился и, смотря ей в глаза, прошептал:

– Забери мои печали, чтоб они не докучали. Задержи мои страдания, все несчастья и желанья. Сохрани мои тревоги, не найдут назад дороги. Заклучи любовь внутри, на засовы затвори. Взаперти она навечно, безопасно, бесконечно!

Шпионку затрясло.

– Точёное белое тело с россыпью серебряных волос. Огромные глаза! Голубые, как небо замёрзшего края. Ласковая улыбка. Шёлковые крылья. Заботливые руки, – пришлось в последний раз представить своего последнего ангела. – Все это, теперь твоё! – крикнул я и отвернулся.

С грустью посмотрел на осколки бокала, разбросанные по полу. Как всегда, после ритуала меня заполнила абсолютная

пустота. Окружающий мир перестал существовать. Наступило облегчение и покой.

Служанка поднялась с колен.

– Что ты узнала обо мне? – поинтересовался я.

– Артур достал вам небесную соль.

Я тяжело вдохнул и, с замиранием сердца, спросил:

– Ты успела доложить об этом Святейшеству?

Она покачала головой:

– Нет, собирала больше сведений.

Я облегчённо выдохнул и нетерпеливо махнул рукой.

– Убирайся!

Она в нерешительности замерла, и я запустил в неё спичками.

– Пошла вон!

Не проронив ни слова, она, всхлипывая, убежала.

Теперь она во власти чар и не представляет опасности.

Я закрыл глаза. Больше никаких ангелов, лишь чернота под сомкнутыми веками. Теперь как следует выплюсь. Даже получилось медленно выбраться из кресла, не потревожив незаживающую рану на груди. Соскочив с колен, об пол брякнуло зеркало в серебряной оправе. По стеклу пошла трещина. Плохая примета. Я машинально наклонился. Из отражения на меня смотрели крупные карие глаза. Я невольно вздрогнул и сел обратно.

Пустота никогда не бывает по-настоящему пустой. Ангел-хранительница пропала навсегда, но её место в воспоминаниях.

наниях тут же заняла истинная любовь.

Я встретил её на светлой стороне. Хрупкая тоненькая де-вушка, родившаяся под солнцем. За её обыкновенной внеш-ностью скрывалась неземная красота, которой можно было наслаждаться бесконечно, но всё равно нельзя было налюбо-ваться. Она покорила меня маленькими капризами и непри-нужденной простотой. Страстностью и нежностью. Талан-том быть разной. Смелой и беззащитной. Такой удивитель-ной и такой понятной.

Я прислонил пальцы к губам. Легче любить холодного идеального ангела, чем на мгновенье погрузиться в прежние, настоящие чувства.

Счастье продлилось недолго. Оно всегда краткосрочно. Его вечно меньше, чем заслуживаешь. Им нельзя насытить-ся. Моё время истекло слишком быстро. Как только о моей влюбленности узнали, меня вернули на тёмную сторону. Это была плата за счастье.

Я сжал губы.

Только мысли о ней позволили мне пройти весь путь. Лишь жгучее желание вернуться, не дало сломаться, вытер-петь все муки и добраться до последнего испытания. До сво-его первого ангела...

В тот раз я тоже сидел у обрыва, вглядываясь в небеса. На окружающих пропасть скалах сверкали ледяные диаде-мы. Покрытые инеем оранжевые лилии хрустели под пальца-

ми. Я старался глубоко дышать. Было очень страшно. Над головой, в яркой глубокой синеве, парили крылатые создания. Впервые в жизни приходилось видеть такую совершенную красоту, и измученная тёмной стороной душа разгоралась ровным, чистым светом. Переливающимся потоком, срываясь с перьев, на меня ниспадали крупные косматые снежинки. Несмело дотронувшись, они тут же уносились прочь подхваченные горным ветром. Сыпались новые. Сверкали в лучах бледного солнца, и даже украдкой звенели, сталкиваясь друг с другом.

Она заметила меня. Сложила бархатные крылья и низринулась в пропасть.

Я задрожал. Она так быстро падала, что было время испугаться по-настоящему. Ещё ни разу никогда не приходилось ни за кого так бояться. Мгновенья растянулись, мучая неопределенностью. Алебастровая фигура сияла в голубой оправе небосклона, стремительно приближаясь к грешной земле. Я стиснул кулаки и вскочил. Как помочь или остановить затянувшийся спуск? Она будто нарочно изводит меня раздражающим бессилием, падая в бездну. Мучает, понимая нашу связь. Испытывает мои силы, мои чувства, мою веру. Почти у самых острых скал она расправила пушистые крылья. Замахала, и зависла передо мной.

– Зачем ты пришел? – спросил нежный голос. – Тебе нельзя находиться здесь!

Заготовленная речь выскочила из головы. Я пытался най-

ти причину и не мог. А было ли она? Сердце забилося так, что стало трудно дышать.

– Ты нарушаешь законы мироздания! – зашептала она. – Тебе нельзя здесь оставаться, иначе всё закончится ужасно!

Я кивнул. Трудно говорить. А уж тем более сделать то, за чем пришёл. Это чудовищно! Даже помыслить о таком преступлении.

– Почему же ты не уходишь? Беги!

От неё расходилось столь искреннее беспокойство, что сопротивляться с каждым мгновением становилось тяжелее. Я отступил.

– Ты всё испортишь. Смысл моего существования в любви и помощи. Нет никаких различий между добром и злом. Светом и тьмой. Любое сердце должно биться! Для меня главное спасать! Верить! Любить!

Я попятился. Цветы под ногами заскрипели и рассыпались оранжевыми льдинками.

– Не могу иначе! Ты ничего не изменишь! Спасайся! Уходи, пока можешь!

Небосклон темнел, насыщаясь металлическим блеском. Вдалеке сверкали ослепительные вспышки молний. Морозный воздух наполнялся особенным запахом приближающейся грозы.

В её глазах появились неподдельные слезы.

– Беги! – просила она. – Ты должен оставить меня.

У меня кончились силы. Оставалось только сдаться и бе-

жать. Разве можно причинить ей вред? Она совершенна! Она всё что есть у меня настоящего. Как сопротивляться непри- творному порыву? Ноги сами повернулись.

– Во имя любви!

Я остановился. Нет! Истинная любовь ждёт меня на свет- лой стороне. Ради неё стоит пройти испытание и вернуться. Ради неё можно сделать всё, даже убить!

Ангел умоляюще уставилась на меня большими трога- тельными глазами.

Я расставил руки, будто упираясь в невидимую преграду. Сколько в ней нежности и заботы, как этому сопротивлять- ся? Сделал шаг, продолжая давить в то, что мешало пройти. В невидимую преграду стоявшую между мной и моей истин- ной любви со светлой стороны. Меня ничего не остановит! Больше ничего, никогда!

– Ненавижу тебя!

В крик вложилась вся боль, все страдания, через которые пришлось пройти на тёмной стороне. Каждое жуткое мгно- вение в проклятом городе, вырывалось изо рта и вонзалось в белоснежную фигуру.

В её глазах застыло удивление. Взмахи замедлились, боль- ше не поднимая студёный ветер. Взгляд потух, а плечи опу- стились. Она медленно опускалась, будто её придавливало к земле, пока крылья не накрыли оранжевые лилии.

Я сдавил пальцы так, что захрустели суставы.

Небо стало чёрным, как провал в преисподнюю. Разру-

шать такие связи страшнее, чем соваться в петлю. Чем преодолевать страхи. Чем всё на свете. Собственноручно с холодной уверенностью разрушать истинные чувства самое жуткое, что только можно придумать.

– Ненавижу тебя! – повторил я, и она упала на колени.

Слёзы капали на цветы, застывая ледяными ручьями. Она уже не разгибалась. Только вздрагивала от беззвучных рыданий. У меня оставалась моя любовь со светлой стороны. У неё больше не было ничего.

Я сделал новый шаг. Задуманное стоит того, чтобы за него бороться. Надо победить! Пришлось подойти её ближе, чтобы почувствовать угасающее чувство. Разбивая остатки сопротивления, наклонить над сжавшимся ангелом и закричать что было сил.

– Ненавижу!

Она дёрнулась, точно от удара, а я схватился за мягкое крыло и дёрнул так, что раздался хруст. Надавил сильнее, пытаюсь оторвать его. Так упирался, что поскользнулся и упал сверху. Её ледяные пальцы порвали куртку, рассекли кожу и чуть не достали до сердца. Она одёрнула белоснежную руку, даже теперь не в силах что-то изменить. Только раскрыла рот в последнем крике и рассыпалась миллионом блестящих осколков.

Ангел не может жить без любви. Она боготворит человека, которого выбирает при рождении. Приглядывает и оберегает всю жизнь. Она холодна и почти бессмертна, уничто-

жить её способна лишь ненависть того, кому она отдала свою любовь.

Зажав рану, я смотрел, как ветер уносит крошечные обломки моей первой уничтоженной ангела-хранительницы, но думал только о той, что ждала на светлой стороне. Надо завершить начатое. Вытащив из кармана серебряную табакерку, я открыл крышку. Вихрь подхватил прозрачные крупы и, смешав с ангельской пылью, понёс в снежную долину.

– Лети скорей, в снег и пургу. Бери быстрее, крути дугу. Открой тайник, чтоб сил собрать. Чтоб никому не умирать. Расти до неба из земли, покуда мощь не обрели. А как накопишь волшебство, в земную ось бросай его.

Из ледяной корки, разломав наст, вырос прозрачный кристалл. Тёмный снизу и почти прозрачный сверху...

Раздавшийся крик, заставил меня вздрогнуть. Я скривился. Резко заложило левое ухо. Предупреждение от помощника. Он всегда сообщал о скором появлении. Даже не знаю, как лучше, чтобы он прибывал неожиданно или терпеть постоянные мигрени.

Я собрался. От того, смогу ли его уговорить зависела моя жизнь.

В узких стёклах, на фоне ночи играли отражения раскалённых искр камина. Зачем нужны окна, если за ними вечная тьма?

Артур появился среди зала и, раздавив сапогами осколки бокала, бесцеремонно плюхнулся в кресло напротив. Его чёрные глаза намертво вцепились в меня.

– Что происходит? – медленно спросил он.

Я непонимающе пожал плечами.

– Мне притащили твой рюкзак!

Продолжая смиренно сидеть, я лишь поднял бровь.

Помощник склонился над столом, его спокойное масляное лицо побагровело.

– Пуст! – взревел он. – Из него высосали все чары!

Я задумчиво кивнул.

– Издеваешься? – заорал Артур. – Что ты от меня скрываешь?

– У меня никогда не было дома, – тихо заметил я, и обвёл рукой зал. – От фамильного гнезда меня до сих пор пробирает озноб.

– Что ты несёшь? – удивился он.

– Не сердись, – попросил я. – Сейчас всё объясню.

– Что же давай, – согласился он и откинулся на спинку.

– Я никогда не был князем и родился в подворотне, как обычный человек. Хочу жить с любимой и растить детей. Я обрёл свою любовь на светлой стороне.

Артур покосился на потухшую свечу, будто сомневаясь в удачности прошедшего ритуала.

– Но это невозможно! – потрясённо сказал он. – Тёмный никогда не будет со светлой!

– Знаю, – кротко откликнулся я. – Мы одинаковые, но под солнцем жизнь не такая, как во тьме. Поэтому я поверил в мечту и решил изменить мир!

Колдун скривился:

– Какие глупости, тебе не восемнадцать!

– Обещай, что дашь мне договорить.

Он непринуждённо махнул рукой.

– После возвращения на тёмную сторону хватало времени на раздумья. Я понял, что если не сотворю невозможное, больше никогда не увижу её и стал искать выход. Нам объясняли, что «Ангелы эфемерные создания, состоящие из чистой магической энергии, сотворены из высших заклятий, но их устройство сравнимо с любыми чарами, у них нет постоянной телесной оболочки, они обретают форму лишь когда собираются вместе для поднебесных танцев», и я понял. Перерыл библиотеку храма, тратя жалкие крупицы свободного времени на чтение, и нашёл. Древние легенды гласили, что ангелы заставляли землю вертеться, водя хороводы вокруг оси. Ночь сменялась днём, и всем хватало света и тепла, пока чародеи не нарушили привычный ход вещей. Мир остановился, и его половину накрыла тьма.

– Ересь! – неуверенно высказался Артур.

– Я решил вернуть былые времена.

Он вскочил, удивлённо уставившись на меня.

– Ты обещал.

– Тебя надо сгноить в остроге! Я отправляюсь к Святей-

шеству! Он умеет вышибать опасный вздор из голов...

– Утихомирься! Девчонка раскопала про небесную соль.

Она знает, что это ты достал её и принёс мне.

– Это было двадцать лет назад!

– Неважно. На тёмной стороне небесная соль противозаконна. Мы не создаем, только разрушаем, – отрезал я.

– Ты во всём виноват. Вам высокородным богатеям всё сходит с рук!

Наклонившись, я распахнул лежащий на столе потёртый фолиант.

– Здесь дарственная, – сообщил я, – всё, что у меня есть, теперь твоё. Ты всегда был истинным князем, настоящим, не таким как я, и ты станешь им на самом деле.

Артур остановился, с вожделием взглянув на украшенную магическими печатями бумагу.

– Но всё изменится... – неуверенно начал он.

– Кроме золота и положения, – перебил я.

Колдун не мог оторвать взгляда от дарственной. Отказаться от мечты невозможно, особенно когда она уже в твоих руках.

– Мы ничего не изменим, – прошептал я. – Заклятье работает с минуты на минуту.

Он, продолжая буравить меня недоверчивым взглядом, сел:

– Объясни!

– Не убивая ангелов, только брал их силы... – продолжил

я.

– Ты разыгрываешь меня! – с кривой ухмылкой вскрикнул Артур.

Я покачал головой.

– Но нельзя пройти испытание, не убив! – воскликнул он.

– Ты совершенно прав. Одного ангела-хранителя я уничтожил, своего собственного. Она не ожидала ничего подобного и, не сопротивлялась, – я дотронулся до груди. – Но я посчитал, что так будет честнее. Не хотел причинять зла...

– А как же люди?

– Ты видел добрых людей на тёмной стороне?

Он мотнул головой.

– Тьма съела наши души. Мы ненавидим Святейшество, но любой при первой же возможности, займёт его место. Каждый на тёмной стороне хочет быть выше остальных, давить ногами ничтожных слуг и вассалов. Это правильно!

Я замотал головой.

– Помочь всем или горевать о несбывшемся? Мне было больно, но я пожертвовал своим хранителем. За свою любовь надо бороться! Остальных ангелов я лишал энергии. Собираю и копию их силу в кристалле. В шесть утра, собранная мощь вырвется на волю. Освобождённые ангелы вылетят на заснеженную равнину. Им некого будет любить и охранять. Не о ком заботиться. Они воспарят над землёй, и их хоровод заставит землю снова крутиться. Солнце поднимется из-за горизонта!

– Ты безумец, – прошептал Артур.

У тёмной ратуши зазвонил колокол. Шесть громких ударов возвестили утро.

– Прошу, отправь меня к любимой, – обезоруживающе улыбаясь, попросил я.

Сняв с чёток разделенный пополам круг, я протянул его колдуну.

– Здесь её волос. Ты же сможешь по нему навести заклятье.

– Ты так просто уйдешь? А замок, золото...

– Оно теперь твоё, а у меня будет нечто большее.

– Ты действительно сумасшедший, – повторил он. – Будет крутиться наш шар или нет, ничего не изменится. Всё останется, как было. Людей не переделать! Всё будет по-прежнему.

– Нет. Ты станешь знатным человеком!

Он задумчиво посмотрел на меня, но не ответил. Взял амулет, ностальгически погладил, и в центре зала открылся портал.

Я поклонился и, не оборачиваясь, вошёл в перламутровое сияние.

В волшебной дымке перехода мне мерещились ангелы, танцующие на далёком полюсе.

Я вышел в зелёном саду. Вдалеке, за деревьями, алой лентой разгорался рассвет. От волнения тряслись руки. Я долго стоял на пороге маленького домика, не смея сделать ре-

шающий шаг. Только услышав звон посуды, толкнул дверь. Из сеней запахло травами и свежеиспеченным хлебом. Хотелось громко крикнуть «Я вернулся», но слова не складывались. Трудно было даже шелохнуться. Зато можно было снова смотреть на то, чем нельзя наглядеться. Всё осталось таким, как я помнил. Только в её сияющих глазах застыли слезы.

– Ты вернулся... – ласково улыбаясь, прошептала моя Надежда.

Привет! Это автор рассказа Роман Сmekлоф! Я размещаю рассказы бесплатно и прошу мне помочь. Понравился рассказ – подпишись на меня на Литрес <https://www.litres.ru/author/smeklof/> Поставь лайк, напиши комментарий, что именно тебя тронуло в моей истории.

Сейчас очень сложно не затеряться в огромном количестве книг, поэтому твоя помощь очень ценна для меня и позволит мне развиваться, повышать популярность и писать новые рассказы и романы.